

Сквозь тусклое стекло свет Просвещения

Мариносян Тигран Э.

*кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела международных связей,
Академия гуманитарных исследований (Москва, РФ)*

 <https://orcid.org/0000-0003-4565-5994>

moscowline@mail.ru

УДК: 130.2; **EDN:** UQWAPC

DOI: 10.58587/18292437-2025.3-162

Ключевые слова и словосочетания: виктимизация, жертвоприношение, жертва, миметический кризис, сакральное, религия, миф, коллективное бессознательное, архетипы, символ, рациональное, иррациональное, христианство, Литургия, эпоха Просвещения, гуманизм, разум, колонизация, Геркулесовы столбы, современный человек, образование

Մշուշոտ ապակու միջով Լուսավորության լույսը

Մարինոսյան Տիգրան Է.

*փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու, միջազգային հարաբերությունների բաժնի վարիչ,
Հումանիտար հետազոտությունների ակադեմիա (Մոսկվա, ՌԴ)*

Ամփոփագիր. Այսօր մարդու տեսադաշտը ուղղահայաց առանցքի երկայնքով սահմանափակ է հենակետերի միջև՝ հեռախոսների և պլանշետների դիսփլեյներ, հեռուստացույցի էկրաններ և արժույթի և արժեթղթերի գնանշումներ ցուցադրող ֆոնդային բորսայի վահանակներ: Նա, հավանաբար, ինտուիտիվորեն զգում է այս նեղ կիզակետից այն կողմ անցնելու անհրաժեշտությունը, զգում է կապի կորուստը «ավելի մեծի», «ավելի բարձրի» հետ, բայց վախենում է հանդիպել դրան՝ լինի դա Աստված, հոգևոր աշխարհ, թե Տիեզերքի գերբնական ուժեր: Ի վերջո, «բարձրագույնը» «գիտակ» է Երկրի վրա կատարվողի մասին, բայց մարդը նախընտրում է մնալ իր հարմարավետության գոտում՝ խուսափելով իր համար դժվար հարցերից և խորը մտորումներից, գիտակցելով, որ «նա, ով գնում է ինքն իր մոտ, ռիսկի է դիմում հանդիպել ինքն իր հետ», ինչպես Կարլ Գուստավ Յունգն էր զգուշացնում: Մարդու «տեսադաշտը» նեղացնելու միտման սկիզբը, պետք է ենթադրել, կարելի է վերագրել եվրոպական մշակույթի պատմության մեջ մտավոր շարժման ձևավորման ժամանակաշրջանին՝ Լուսավորության դարաշրջանին: Մարդու նոր «օպտիկական համակարգի» ձևավորումը, որը կարգավորված էր հորիզոնական հարթությանը, դարձավ նրա աշխարհի պատկերի խեղաթյուրման պատճառը, և, հետևաբար, Տիեզերքի կտավը ամբողջությամբ տեսնելու ունակության կորուստը, ներառյալ նրա գոյության հոգևոր և սրբազան չափումները:

Անկանխատեսելի իրադարձությունների («սև կարապների») արագ աճի, աշխարհում առաջացող երևույթների հաճախականության աճի, տեխնոլոգիական առանձնահատկության ռիսկի և մարդկության ապագան նույնիսկ մոտ ապագայում հուսալիորեն կանխատեսելու անհնարինության համատեքստում, հողվածի հեղինակը նպատակահարմար է համարում մշակել և կրթական գործընթացում ներդնել մի առարկա (ոչ թե դասընթաց), որը նվիրված է կյանքը մշտական անորոշության պայմաններում հասկանալուն, դրա նոր կերպարի ուսումնասիրմանը, դրան հարմարվողականության նպաստելուն: «Սև կարապները» և առաջացող իրադարձությունները տիեզերքի հիմքում ընկած բարդ համակարգերի և քառույթի հիմնարար օրենքների դրսևորումներ են: Փիլիսոփայական տեսանկյունից դրանք մեզ հիշեցնում են մարդկային պատմության փխրունության, վերահսկողության սահմանների և գոյության ցիկլի բնույթի մասին: Այս գաղափարները մեզ կոչ են անում խոնարհության, իմաստության և զարգացման նոր ուղիների որոնման, որոնք հաշվի են առնում աշխարհի անկանխատեսելիությունը և դրա խորը կապը արարչագործության սկզբնական վիճակի հետ: Եվ, ինչը հեղինակը կարևոր է համարում, ժամանակակից կրթությունը պետք է փորձի երիտասարդ սերնդի ուշադրությունը հրավիրել աշխարհում-լինել-գտնվելու կոորդինատային համակարգի «ապլիկատ առանցքի» վրա՝ ուղղահայաց չափման վրա, որը աշխարհում լինել-գտնվելուն տալիս է խորություն և բարձրություն:

Հանգուցաբառեր և բառակապակցություններ՝ վիկտիմիզացիա, զոհ, միմետիկ ճգնաժամ, սրբազան, կրոն, միֆ, կոլեկտիվ անգիտակցական, արքետիպեր, խորհրդանիշ (սիմբոլ), ռացիոնալ, իռացիոնալ, քրիստոնեություն, պատարագ, Լուսավորության դարաշրջան, հումանիզմ, բանականություն, գաղութացում, Հերկուլեսի սյուներ, ժամանակակից մարդ, կրթություն

Through a glass darkly the light of Enlightenment

Marinosyan Tigran E.

*Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head of International Relations Department,
Academy for Research into the Humanities (Moscow, RF)*

Abstract. Currently, the human field of vision along the vertical axis is limited between reference points: phone and tablet displays, TV screens and stock exchange boards with currency and securities quotes. Probably, a person intuitively feels the need to go beyond this narrow focus, feels the loss of connection with something greater, "higher", but is afraid to encounter it - be it God, the spiritual world, the supernatural forces of the Universe. After all, the "higher" is "knowledgeable" about what is happening on Earth, but a person prefers to remain in the comfort zone, avoiding difficult questions for himself and deep reflection, understanding that "he who goes to himself risks meeting himself," as warned by C.G. Jung.

The beginning of the trend towards narrowing the "field of vision" of a person, one must assume, can be attributed to the period of the formation of the intellectual movement in the history of European culture - the Age of Enlightenment. The formation of a new "optical system" of a person, tuned to the horizontal plane, has caused an aberration of his picture of the world, and, consequently, the loss of the ability to see the canvas of the Universe in its entirety, including the spiritual and sacred dimensions of his existence. In the conditions of a rapid growth of unpredictable events ("black swans"), an increase in the frequency of emergent phenomena in the world, the risk of technological singularity and the impossibility of reliably predicting the future of humanity even in the near future, the author of the article considers it advisable to develop and introduce into the educational process a discipline (not a course) devoted to understanding life in conditions of permanent uncertainty, studying its new image, facilitating adaptation to it. "Black swans" and emergent events are manifestations of the fundamental laws of complex systems and chaos that underlie the universe. From a philosophical point of view, they remind us of the fragility of human history, the limits of control and the cyclicity of existence. These ideas call us to humility, wisdom, and the search for new paths of development that take into account the unpredictability of the world and its deep connection with the original state of creation. And, what the author considers important, modern education should try to draw the attention of the younger generation to the "axis of applicate" in the coordinate system of being-in-the-world - the vertical dimension that gives being in the world depth and height.

Keywords & phrases: victimization, sacrifice, victim, mimetic crisis, sacred, religion, myth, collective unconscious, archetypes, symbol, rational, irrational, Christianity, Liturgy, Age of Enlightenment, humanism, reason, colonization, Pillars of Hercules, modern man, education

Самое лучшее средство для того, чтобы тебя не распяли, — это в конечном счете поступать так, как поступают все, и самому участвовать в распятии. Таким образом, отречение Петра — это один из эпизодов Страстей, своего рода завихрение, небольшой водоворот в широком потоке виктимного миметизма, уносящего всех к Голгофе.

Рене Жирар

Импульсом к написанию настоящей статьи послужили мои предыдущие исследования, посвященные анализу роли школьного образования в предотвращении виктимизации несовершеннолетних, обзору международных практик внедрения соответствующих профилактических программ в образовательный процесс.

Проблема виктимизации становится все более популярной темой научных изысканий, о чем свидетельствуют многочисленные работы российских и иностранных исследователей последних лет. Ученые активно изучают методы предотвращения виктимизации, уделяя особое внимание разработке стратегий профилактики, снижения рисков, коррекции поведения и оказания индивидуальной помощи. Значительная часть исследований сосредоточена на анализе взаимосвязи между виктимизацией и другими социальными явлениями, особенно в рамках образовательной среды. Различные программы вмешательства на базе школ разных стран разработаны и реализованы в попытке предотвратить виктимизацию в образовательной сре-

де, то есть не допустить процесса превращения субъекта учебной деятельности в жертву (victima), в котором принимают участие его сверстники. Они нацелены на жертв, агрессоров, их пассивных соучастников, учителей, администрацию учебных заведений, и, по-видимому, основаны на здравых идеях о том, что могло бы предотвратить травлю или уменьшить частоту случаев издевательств и запугиваний, а не на эмпирически подтвержденных теориях о том, почему дети участвуют в травле против со товарищей, почему одни становятся жертвами, другие – агрессорами, почему вообще происходят случаи насилия. Возможно, стоит обратить внимание специалистов, занимающихся вопросами педагогической антропологии в системе педагогических наук, методистов, разработчиков учебных программ, образовательных траекторий на причины возникновения виктимного поведения человека, учитывая факторы, связанные с мифологическими, религиозными представлениями человека – выражением коллективного бессознательного. Интеграция темы жертвоприношения в учебные программы педагогических вузов имеет важное значение для подготовки будущих учителей, поскольку она, очевидно, будет способствовать осознанию и пониманию таких социальных проблем, как виктимизация и буллинг в школьной среде.

Виктимизация представителей различных слоев общества, вне зависимости от их экономического, социального статуса, религиозной и национальной принадлежности, уровня образова-

ния, профессиональных особенностей, представляет собой одну из существенных проблем современного социума. Исходя из того, что все люди в той или иной степени являются потенциальными жертвами (виктимны), можно говорить о растущей проблеме виктимогенного (порождающего жертвы) воздействия средств массовой информации, которому, как известно, в значительно большей степени подвержена именно молодежь. Принимая во внимание тенденцию распространенности виктимизации в обществах многих стран мира, включая Российскую Федерацию, используемые ими стратегии ее профилактики и предотвращения, включающие в себя разнообразные меры (разработка кодексов поведения для государственных служащих и политиков, дополняющих правовую систему, совершенствование законодательства и практики его применения в предупреждении преступлений, совершенствование организационно-управленческих механизмов их предупреждения, внедрение современных информационных технологий в области борьбы с преступностью), автор считает, что ключевую роль в реализации политики по профилактике насилия и предупреждения виктимизации, безусловно, должна играть система образования.

В условиях глобализации и ускоряющегося технологического прогресса, в особенности цифровых технологий, а также усиливающегося влияния социальных сетей на психику отдельных людей и общества в целом, практики виктимизации становятся более изощренными и распространенными. Развитие информационного общества, наряду с позитивными изменениями, привело к возникновению множества социально-психологических проблем, в том числе в системе образования, которые с каждым днем становятся все ощутимее. Становится понятным, что кибервиктимизация – относительно новый, но довольно «популярный» и интенсивно развивающийся вид виктимизации – может иметь гораздо более печальные последствия, чем локальное «офлайн-издевательство, офлайн-агрессия», учитывая масштабы Интернета, количество свидетелей издевательств. Согласно исследованию ВОЗ/Европы (2024 г.), каждый шестой ребенок школьного возраста подвергается кибербуллингу [19]. Кибербуллинг, согласно данным 2023 года Центра исследования кибербуллинга в США, 26,5% учеников средних и старших классов школ страны

подвергались кибербуллингу [20]. Распространенность буллинга в Российской Федерации, к сожалению, растет: «Согласно результатам PISA¹, в России число детей, которые становятся жертвами школьной травли, увеличилось с 2015 по 2018 г. на 10% и составило 37% всех учеников» [16].

Обсуждение феномена жертвоприношения, которое практиковалось в различных культурах и религиях, на протяжении веков занимало и продолжает занимать немаловажное место как в общественной мысли, так и научной (психология, социология, религиоведение, теология, антропология, философия, другие гуманитарные науки). Практика жертвоприношений, безусловно, претерпела изменения, что свидетельствует об адаптации и эволюции традиций в ответ на новые культурные, духовные, социальные реалии. Трансформируясь, жертвенные ритуалы сохранили свою суть и свое значение, принимая новые формы, которые резонируют с жизнью современного общества. «Жертвоприношение происходит все время» [21].

Попытки смены «тривиальных» мировоззрений на атеизм, материализм, позитивизм, демаркации научного и псевдонаучного знания, десакрализации мира, жизни человека показывают и даже доказывают, что мифологическое, религиозное мышление *Homo sapiens* неустранимо и является своеобразным «программным кодом центрального процессора материнской платы», выражаясь компьютерной терминологией. Миф не праздное повествование, драматургическое произведение, а действующая внутренняя жизнеутверждающая сила, способствующая человеку двигаться, переживать, преодолевать трудности, принимать решения.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о причинах антропогенеза и прародине человечества, по наиболее обоснованной в настоящее время версии исследователей, занимающихся проблемами происхождения человека, представители рода *Homo* вышли из Африки в Евразию не ранее 1,8 (1,7) млн лет назад, а современный его вид *Homo sapiens* сформировался также в Африке ориентировочно 200–150 тыс. лет назад и распространялся несколькими миграционными волнами в Евразии в хронологическом диапазоне 120–40 тыс. лет назад. Дальнейшая ассимиляция подвидов *Homo sapiens* во временном интервале 80–40 тыс. лет назад в конечном итоге и привела

¹ Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся школ в возрасте 15 лет PISA (Programme for International Student Assessment), разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и проводимая под ее эгидой, в 2015 году включила в свой исследовательский инструмент анкету изучения вос-

приятия обучающимися проблемы агрессивного преследования, издеательства над одним из учащихся со стороны другого, что позволяет оценить отношение обучающихся к проблеме травли, их личную включенность в подобные ситуации и представления о способах их разрешения.

к формированию современного человека (*Homo sapiens sapiens*) [8, с. 5-6]. Можно ли утверждать, что отказ человека от религиозного мировосприятия и миропонимания, его обращение к разуму как к единственному критерию познания, общества, Вселенной, начавшееся всего лишь примерно 400 лет назад, привели его к устранению потребности в вере, глубоко укоренённой в человеческой природе, прекращению поиска смысла жизни без обращения своего взора к небесам? Ответ очевиден.

Процесс секуляризации и демифологизации общественной жизни, особенно в эпоху Просвещения – попытка человека освободиться от пут мифологического мышления и обратиться к разуму как главному инструменту познания и управления миром. Несмотря на то, что эволюция человека постепенно выходит из-под доминирующего влияния биологических факторов и приобретает черты трансгуманизма, а рационализм, позитивизм, научные открытия и технологический прогресс существенно изменили общество, иррациональный аспект в познании мира всё же сохраняется. Способность человеческой психики к абстрактному мышлению, формированию мифов, созданию ритуалов и символов сыграла ключевую роль в успехе его развития как биологического вида. Мифологическое мышление, которое часто воспринимается как архаичное, на самом деле является фундаментальной частью человеческой природы. Оно позволяет человеку структурировать хаос, придавать смысл окружающему миру и формировать коллективные идентичности.

Антропологический смысл жертвоприношения может быть рассмотрен через призму коллективного бессознательного с акцентом на инстинктивные и неосознанные аспекты человеческого поведения. В этом контексте жертвоприношение представляет собой более глубокий и часто неосознанный процесс, который может быть обусловлен естественными инстинктами и архетипами, встроенными в человеческую природу. Процессы жертвоприношения могут возникать на уровне инстинктов и привычек, которые не всегда осознаются индивидуумом или сообществом.

Действия, направленные на установление связи между людьми и высшими силами через ритуалы жертвоприношения, умиловивление божеств с целью избежать наказания за проступки, обрести защиту для себя, семьи, общины или получить благословение, в современных условиях приобретают, скорее, скрытый характер. Они часто связаны с проявлениями коллективного бессознательного, которое, как ни парадоксально, вероятно, служит основой общественного сознания и главным источником коллективных

представлений. Коллективное бессознательное – ризома человеческой психики – её корневая система, из которой произрастают архетипы и символы. В зависимости от обстоятельств, в психике человека может воссоздаваться первобытная реальность, отвечающая его глубинным религиозным потребностям и обеспечивающая связь с сакральным миром. Архетип жертвы, подобно другим архетипам – героя, Великой матери, трикстера, мудреца и других, генерирует энергию для психических процессов и может захватывать сознание как отдельных людей, так и групп, которые и становятся потенциальными жертвами для жертвоприношения.

Современный человек, существующий или стремящийся к жизни в мире, который утратил религиозный смысл, нередко испытывает растерянность при столкновении с проявлениями нуминозного. Стоит отметить, что светское восприятие реальности – довольно новое явление в истории человеческого сознания. Независимо от того, какие исторические процессы и духовные трансформации привели к утрате священного и переходу к исключительно светскому мировоззрению, современный человек все чаще сталкивается с трудностями в осмыслении масштабов бытия и ценностей, которые естественны для людей религиозного склада. Как рассуждал Макс Вебер: *«Кто не может мужественно вынести этой судьбы эпохи, тому надо сказать: пусть лучше он молча, без публичной рекламы, которую обычно создают ренегаты, а тихо и просто вернется в широко и милостиво открытые объятия древних церквей. Последнее сделать нетрудно. Он должен так или иначе принести в «жертву» интеллект – это неизбежно. Мы не будем его порицать, если он действительно в состоянии принести такую жертву. Ибо подобное принесение в жертву интеллекта ради безусловной преданности религии есть все же нечто иное в нравственном отношении, чем попытка уклониться от обязанности быть интеллектуально добросовестным, что бывает тогда, когда не имеют мужества дать себе ясный отчет относительно конечной позиции, а облегчают себе выполнение этой обязанности с помощью дряблого релятивизма»* [5, с. 734]. Ибо, по его мнению: *«Нет ни одной цельной, выступающей в качестве жизненной силы религии, которая в каком-либо своем проявлении не потребовала бы «жертвования интеллектом» в силу положения «credo non quod, sed quia absurdum»**. **«Верую, ибо это абсурдно» (приписывается Тертуллиану) тт.»* [5, с. 337].

Рене Жирар считал, что любое приближение к разрешению проблемы миметических отношений *«меняет данные, связанные с самой проблемой. Это особенно серьезно проявляется в*

случае механизма освящения, который работает все менее и менее продуктивно, вплоть до того, что становится возможным увидеть в феномене козла отпущения уже не бессмысленный обряд, а фундаментальную склонность людей к избавлению от насилия за счет какой-нибудь жертвы» [10, с. 51]. Люстрации, изначально представлявшие собой ритуалы очищения через жертвоприношения для защиты от болезней, бедствий и зла, в современном мире могут быть проявлены в скрытой форме в коллективных отношениях. Эти процессы часто носят неосознанный характер как для того, кто символически «приносит жертву», так и для самой «жертвы». В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, связанными с коллективным механизмом формирования единства и идентичности группы с целью разрешения внутренних конфликтов и напряжений в сообществе посредством изгнания «фармака», «козла отпущения». Часто жертвоприношение, «козел отпущения», «фармак» выполняют функцию социального «клея», который позволяет укреплять коллективную идентичность через исключение и уничтожение общего «врага», «другого», учитывая, что бытие-с-другим (Mitsein), вплетенное в социальные структуры, может принимать как позитивные формы солидарности и взаимопонимания, так и негативные формы отстранения и насилия. Происходит, согласно миметической теории Рене Жирара, развёртывание миметического механизма: жертва, выбранная в качестве козла отпущения, становится объектом коллективного насилия, которое позволяет группе сплотиться, перенаправив агрессию на внешний объект. Если член коллектива отступает от принятых норм, это может спровоцировать эффект «Облако, озеро, башня» (авторский неологизм). Человек, узревший непривычный узор бытия, разглядевший иной порядок вещей, легко превращается в жертву – подобно персонажу одноименного рассказа Владимира Набокова. «Подлинные «козлы отпущения» - это те, кого люди совершенно не знают, но в чью виновность негибело верят» [10, с. 53].

Архетипический сюжет жертвоприношения с его распределением ролей «жертва», «жертвователь» воспроизводится в любых коллективах: от школьных классов до научных институтов и сообществ. «Вероятно, только те, кто черпает уверенность в сознании того, что их собственная научная дисциплина (или школа) располагает парадигмами, могут почувствовать, что переход к новой парадигме будет сопровождаться принесением в жертву чего-то весьма существенного» [12, с. 230]. В своей статье «История науки и ее рациональные реконструкции Имре Лакатос

размышляет: «Однако в свете методологии научно-исследовательских программ такие ар-ьергардные стычки вполне объяснимы внутренне: там, где некоторые экстерналисты видят борьбу за власть, корыстные личные столкновения, историк-рационалист часто обнаружит рациональную дискуссию» [12, с. 513]. Интересно, что может обнаружить в этом «историк-иррационалист»?

В современном мире борьба ценностей сохранилась, и наука не в силах разрешить этот глубинный конфликт, последнее слово всегда остаётся за личным выбором и иррациональными силами. «...точно так же, как эллин приносил жертву Афродите, затем Аполлону и прежде всего каждому из богов своего города, так это происходит и по сей день, только без одеяний и волшебства данного мифического образа действий, внутренне, однако, исполненного истинной пластики. А этими богами и их борьбой правит судьба, но вовсе не «наука». Следует только понять, что представляет собой божественное для одного и что – для другого или как оно выступает в одном и в другом порядке. Но тем самым кончается обсуждение профессором предмета в аудитории – последнее, разумеется, не означает, что вместе с тем кончается сама эта серьезнейшая жизненная проблема. Однако здесь слово уже не за университетскими кафедрами, а за иными силами. Какой человек отважится «научно опровергнуть» этику Нагорной проповеди, например заповедь «непротивления злу» или притчу о человеке, подставляющем и левую и правую щеку для удара?» [5, с. 726].

Коллективное бессознательное современного человека, как и его древних предков, постоянно генерирует множество символов, каждый из которых содержит определенное послание и может указывать на какую-то «миссию», необходимую для поддержания или восстановления психического равновесия. Человек, как известно, глубоко зависит от символов и символических систем, и эта зависимость играет ключевую роль в его творческой активности и жизнедеятельности в целом. Возможно, в некоторых случаях иррациональное поведение человека, его бессознательные или осознанные символические действия помогают ему возвыситься над конкретной ситуацией и вступить во взаимодействие с нуминозным. С точки зрения антропологии жертвоприношение часто рассматривается как один из символических актов, который служит для установления или поддержания отношений между людьми и божественными сущностями, а также в рамках сообществ с целью укрепления связей внутри него, поддержания коллективной идентичности. Антропологический смысл феномена

жертвоприношения, рассматриваемого через призму коллективного бессознательного человека, позволяет расширить понимание этой практики как активного отражения его глубинных установок, паттернов и сценариев. Эти неосознанные аспекты жертвоприношения не только помогают объяснить его распространенность в различных культурах, но и демонстрируют, как человеческие инстинкты и социальные структуры взаимосвязаны, устанавливая сложные динамические связи, которые формируют наш опыт и восприятие мира. Уместно будет привести слова религиозного философа С. Н. Булгакова: «Здесь более всего нас поражает то, что можно определить как этот всеобщий инстинкт жертвоприношений, распространенный во всем религиозном мире и уже тем самым заставляющий находить в этой религиозной феноменологии и ее онтологическую основу. Общее предчувствие спасения и искупления, как и его потребность, свойственны всему человечеству, как бы это чувство ни было затемнено и искажено языческими приражениями. Можно сказать, что оно присуще человеку в составе его человечности, вместе с разумом и совестью, как некое запечатление образа Божия в человеке» [2, с. 20].

Современный мир страдает от двойных стандартов, в том числе, в отношении насилия: формально отвергая его, мы продолжаем им пользоваться. Оно, словно хамелеон, меняет свои формы, встречая показное осуждение лишь тогда, когда становится слишком заметной практикой применения силы. Люди охотно поручают другим грязную работу насилия, тайно наслаждаясь результатами, но лицемерно с театральным ужасом отрекаются от самих исполнителей, публично осуждая их, делая их козлами отпущения. Общество, осуждая насилие на поверхности, может одновременно подсознательно наслаждаться им, так как оно даёт выход подавленным агрессивным импульсам. Люди часто отказываются признавать свою причастность к насилию, поскольку такое признание подрывает их представление о себе, противоречит принятым нормам и убеждениям. Лицемерие здесь служит защитой, помогая им поддерживать миф о себе как о «цивилизованном», «добром», «справедливом» существе, и уходить от ответственности, при этом, чтобы избежать внутреннего конфликта, они предпочитают рационализировать свои действия, оправдывая их высшими целями (например: «стабильность», «безопасность», «порядок»). Но эта ложная добродетель лишь прикрывает более серьёзные проблемы, укоренённые в иерархической структуре отношений в обществе.

Коллективное насилие часто маскируется под «норму» или «необходимость», что позволяет участникам избегать чувства вины.

Импульсы насилия неискоренимы в человеческой природе – лишь религия способна их обуздать. «Продолжая критическую мысль XIX и XX веков и распространив еще дальше, чем она, иконоборческую лихорадку модерна, мы и на сей раз пришли не к такой форме принципа жертвоприношения, которая противостояла бы другим его формам, а к признанию самого этого принципа как в действительности центрального и всеобщего. Тезис об учредительной жертве – это логическое завершение великих атеистических идей XIX века. Он полностью деконструирует насилие и священное, как и все их философские и психоаналитические суррогаты» [10, с. 504].

Христианство – священный дар – предлагает нам Литургию как «профилактическое», «лекарственное средство». Но многие ли номинальные христиане понимают смысл Таинства Евхаристии, какая часть официально зарегистрированных христиан² по-настоящему понимают суть богослужения, видят в Церкви не институт власти, а символ духовного преображения? Литургия, которая должна быть актом духовного перерождения и единения с Богом, часто воспринимается как формальность или ритуал, лишённый внутреннего содержания. Ведь Христос, являясь Богом, чуждым всякого насилия, обнажив природу учредительного убийства, добровольно принял жертвенное насилие на Себя затем, чтобы мы перестали искать жертв, пролил кровь Свою, чтобы положить конец кровавым жертвоприношениям. «Чтобы понять человеческую культуру, необходимо признать, что удержание миметических сил посредством запрета и их перевод в русло обряда может только повторять и распространять примиряющий эффект заместительной жертвы. Религия есть не что иное, как это невероятное усилие по сохранению мира» [10, с. 37].

Сегодня, когда мир сталкивается с беспрецедентными испытаниями, возможно, настал момент по-новому осмыслить религии, помогающим человеку, не отрицая своей «тени», не подавлять ее, а озарять светом благодати. Не для новых расколов и бесконечных толкований священных текстов, но чтобы обрести в нем ту объединяющую истину, что поможет нам с достоинством принимать вызовы жизни. В этом, быть может, и заключается главный урок двухтысячелетней истории учения: прогресс невозмо-

² Согласно сведениям, приведенным в Международном бюллетене миссионерских исследований, количество привер-

женцев христианской религии в 2020 году составило 2,519,505,000 человек [22].

жен, пока мы не осознаем свою темную природу, не примем ответственность за ошибки прошлого. Лишь пройдя через это покаяние, мы сможем начать подлинное преобразование себя и мира.

Человечество действительно столкнулось с парадоксом: вместо того чтобы объединиться вокруг идеи любви, смирения, покаяния и всепрощения в христианской вере, «идеологи» религии решили использовать его как инструмент сохранения политической власти и насилия. Двухтысячелетняя история христианства – это не только история веры, но и история ее искажений, борьбы за интерпретацию священных текстов, политических манипуляций, нередко приведших к трагическим последствиям. Филиокве, ставшее причиной раскола между Западной и Восточной церквями, инквизиция, преследовавшая инакомыслящих, протестантская Реформация, которая, несмотря на свои благородные цели, привела к новым конфликтам, крестовые походы, конкиста, сопровождавшаяся истреблением и порабощением коренных племён и народов Вест-Индии, Центральной и Южной Америки – все это примеры того, как человечество не смогло удержаться на высоте предложенного ему свыше духовного идеала. Вместо этого оно погрузилось в бесконечные споры о том, кто "правильнее" понимает Слово Божие, кто ближе к истине, кто имеет право на власть и авторитет. Тридцатилетняя война (1618-1648), которая опустошила Европу, стала кульминацией этого «разбирательства». Она показала, как религиозные разногласия могут стать прикрытием для политических амбиций, как идея «спасения души» может быть использована для оправдания массового насилия. И даже после этого человечество не извлекло уроков. Две мировые войны XX века, геноциды, тоталитаризм – все это свидетельствует о том, что «варварская природа» человека, его тень, продолжает жить в нем, несмотря на все попытки цивилизации «рационально» ее подавить. Примечательно, что катастрофа европейского еврейства – Шоа и уничтожение нацистами миллионов людей других национальностей во время Второй мировой войны имеют название «Холокост» (др.-греч. ὁλοκαύστος), означающее «всесожжение» – особый род жертвоприношения. Как пишет Джордж Агамбен в произведении «Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь»: «С этой точки зрения, создавать вокруг истребления евреев жертвенный ореол, пользуясь термином «холокост», –

непростительная историческая слепота» [1, с. 148]. Применение этого термина с сакральным подтекстом искажает подлинную, чудовищно рациональную природу нацистских лагерей смерти – не «алтарь», а машина уничтожения. Семантическая нагрузка термина, несущая религиозные коннотации, препятствует адекватному осмыслению функциональной реальности концентрационных лагерей. Нацистский геноцид характеризовался не ритуальной практикой, а системной рационализацией процесса умерщвления, институционализированного как административная функция.

Делез, говоря о том, что «не было мая 68-го», подчеркивает, как легко история может быть забыта, как легко ее уроки могут быть проигнорированы. «*Май 68-го не был кризисом или реакцией на кризис. Скорее наоборот. Именно текущий кризис и то безвыходное положение, в котором оказалась Франция в этих кризисных условиях, является следствием неспособности усвоить уроки мая 68-го.*» [7, с. 71] То же самое можно сказать и о религиозных войнах, мировых конфликтах, революциях (вне зависимости от их масштаба, мотива или характера: будь то молекулярная революция в логике учения Грамши, Великая французская или Октябрьская). Мы склонны забывать, что за каждым из этих событий стоят реальные люди со своими страданиями, реальные ошибки руководителей государств, идеологов доктрин. Мы предпочитаем не замечать свою тень, не признавать свою способность к разрушению, насилию, жертвоприношению, не извлекать уроки из прошлого. Возможно, и по более глубокой причине: они суть онтологические константы – не циклическое повторение, не копии прошлого, а изначально космогоническое переживание в перинатальной матрице психической субстанции человека, подобное уроборосу, вечно замыкающему время в бесконечность.³

Таинство Евхаристии, как и события, описанные в Евангелиях, – это не просто напоминание о том, что происходило две тысячи лет назад с Иисусом и теми, кто Его окружали. Священные тексты, будь то Библия, Коран, Веды, Упанишады или мифы различных культур, предлагают современному человеку, сформированному эпохой Просвещения, возможность пробудиться от иллюзий позитивизма. Современный человек, воспитанный в парадигме Просвещения, как прави-

³ Будет уместным здесь упомянуть, что слово «революция» происходит от латинского *revolūtio*, означающего откатывание, переворот (*revolvere* – «катить назад», «превращаться», «возвращаться»), приставка *re-* – «делать что-либо снова», «снова и снова», указывающая на повторяемость действия, а в некоторых глаголах – на возврат или обратный ход дейст-

вия). В Средние века европейские астрономы начали использовать термин «*revolutio*» для обозначения циклического движения планет и звезд. В таком контексте этот термин встречается в известном труде Николая Коперника «*De revolutionibus orbium coelestium*» (О вращениях небесных сфер), опубликованном в Нюрнберге в 1543 году.

ло, воспринимает мир через призму рационализма, научного прогресса, склонен считать, что история движется вперед, а прошлое остается позади. Однако священные тексты и мифы предлагают иной взгляд: они напоминают, что время циклично, а бытие – вечное и неизменное единство. Они возвращают нас к «началу», к тому моменту, когда мир был создан. Это «проживание начала» не означает буквального повторения событий прошлого, но скорее указывает на возможность переживания изначального состояния мира здесь и сейчас. Мифы и священные тексты становятся мостом между сознанием современного человека и архетипическими установками, вечными истинами. Они помогают человеку выйти за пределы ограничений философии позитивизма, которая сводит реальность к тому, что можно измерить, доказать и объяснить. В этом смысле мифы и священные тексты становятся инструментом трансформации, который помогает современному человеку преодолеть разрыв между рациональным и иррациональным, между прошлым и настоящим, между индивидуальным и универсальным. Они напоминают, что истина не находится где-то «вне будущего» или «в будущем», но всегда присутствует здесь и сейчас, в изначальном состоянии мира, которое каждый из нас может пережить заново. Обращение к священным текстам – это не просто интеллектуальное упражнение, но духовное пробуждение. Оно позволяет человеку осознать, что он не отделен от мира, а является его неотъемлемой частью. Это признание ведет к более глубокому пониманию себя, своего места в мире и своей связи с чем-то большим, чем индивидуальное «я».

Сегодня поле зрения человека по вертикальной оси ограничивается между реперными точками: дисплеями телефона и планшета, экраном телевизора и биржевым табло котировок валют и ценных бумаг. Вероятно, он интуитивно чувствует необходимость выйти за пределы этого узкого фокуса, ощущает утрату связи с чем-то большим, «высшим» но боится столкнуться с ним – будь то Бог, духовный мир, сверхъестественные силы Вселенной. Ведь «высшее» «сведуще» в происходящем на Земле, но человек предпочитает оставаться в зоне комфорта, избегая сложных вопросов самому себе и глубоких размышлений, понимая, что «идуций к самому себе рискует с самим собой встретиться» [18, с. 111].

Начало тенденции к сужению «поля зрения» человека, надо полагать, можно отнести к периоду формирования интеллектуального движения в истории европейской культуры – эпохе Просвещения. Формирование новой «оптической системы» человека, настроенной на горизонтальную плоскость, стало причиной аберрации его

картины мира, следовательно, к потере возможности видеть полотно Вселенной в полном объеме, включая духовные и сакральные измерения своего существования.

Не эта ли аберрация оптической системы привела к слепоте главного героя художественно-философского произведения Гете «Фауст» – одного из величайших феноменов духовной культуры человечества. Яркий пример стремления к победе разумного человеческого труда над силами природы любой ценой:

Фауст

*Мой взор был сверху привлечен
Открытым морем в час прилива,
Когда весь берег до обрыва
Затоплен им со всех сторон.
Меня все это укололо.
Царю природы, мне была
Обидна дерзость произвола:
Свободный дух не терпит зла.
Еще и то меня кольнуло,
Что после краткого разгула
Вода, уставши прибывать,
Со слепотой такой же ярой
Очистила за пядью пядь,
Чтобы в свой час прийти опять
Для повторенья шутки старой.
.....
Морское это полноводье,
Подкрадываясь на часы,
Приносит на века бесплодье
Земле прибрежной полосы.
Недолговечно волн злорадство,
Пуста достигнутая цель,
И море очищает мель,
Опустошив земли богатства.
Разбушевавшуюся бездну
Я б властно обуздать хотел.
Я трате силы бесполезной
Сумел бы положить предел.
И тут вопрос простейший самый:
Как ни свиреп воды напор,
Она, смиривши нрав упрямый,
Должна затечь в любую яму
И обогнуть любой бугор.
И я решил: построив гать,
Валы насыпав и плотины,
Любой ценою у пучины
Кусок земли отвоювать.
Вот чем я занят. Помогите
Мне сделать первые шаги.*

Известно, кому было адресовано обращение Фауста, но олицетворение злого духа, которого призывает герой к помощи, знал:

*В союзе с нами против вас стихии,
И ты узнаешь силы роковые,
И в разрушение сам, как все, придешь.*

Синхронно с колонизацией природы Земли человеком происходила колонизация разумом своей собственной природы – своего бессознательного. Колонизация бессознательного разумом – стремление человека подчинить себе то, что по своей природе неуправляемо и иррационально. В произведении это выражается в стремлении Фауста отвоевать у моря землю, построив плотину. Море (стихия воды) здесь может символизировать бессознательное – стихийное, хаотичное, неподвластное логике и контролю. Разум, в свою очередь, пытается «освоить» эту «территорию», навязать ей порядок и структуру. Вода (символ бессознательного) несет в себе не только разрушительную, но и созидательную силу. Авантюра Фауста – это попытка покорить бессознательное, лишив его своей природной сути. Однако, как показывает мыслитель, такая колонизация приводит к дисбалансу: уничтожая стихию, человек уничтожает и часть себя, свою связь с иррациональным, с тем, что делает его живым и творческим существом. Бессознательное нельзя полностью подчинить, не разрушив при этом самого себя. Строя плотину, Фауст не только покоряет море, но и теряет связь с частью своей собственной природы, что приводит к внутреннему конфликту и, в конечном итоге, к трагедии. В свою очередь, колонизация бессознательного – это попытка человека избежать встречи с самим собой, со своей тенью, с тем, что скрыто в глубинах его души. Фауст, строя плотину, пытается «огородить» море, чтобы не столкнуться со своими страхами, сомнениями, темными сторонами своей личности, своей порочной совестью, но бессознательное всегда возвращается, будь то в форме внутреннего кризиса, страха или разрушительных последствий для окружающего мира. Предвидение мыслителя, пытавшегося предупредить о последствиях безудержного стремления к прогрессу и расширению границ разума за счет природы и бессознательного: стремление человека к неограниченному контролю над природой и ее бездумной эксплуатации привело к таким экологическим катастрофам на планете, что встает вопрос о выживании человечества.

Когда Маргарита стала мостом между Фаустом и раем – это был акт божественной милости. Но есть ли такой мост для нас, создавших себе нового идола в виде бездушного искусственного интеллекта (гомункула), которому мы постепенно уступаем свою ответственность? Где искать нашу «Гретхен» в цифровом мире, где даже глобальные стратегические решения принимают алгоритмы, не учитывающие морально-этические, духовные ценности человека?

Научной революции первой половины XVII века и эпохе Просвещения предшествовала эпоха Великих географических открытий – эпоха колониализма с присущей ей захватывающей геополитической стратегией.

На фронтисписе книги *Instauratio Magna* (Великая реставрация) Фрэнсиса Бэкона 1620 года, в которой содержится трактат *Novum Organum* (*Новый органон*), изображен корабль, плывущий между метафорическими Геркулесовыми столбами, которые, согласно легенде, обозначали высоты, обрамляющие вход в Гибралтарский пролив, и символизировали конец известного мира, обитаемый рубеж его, за которым простирается неизвестный Океан. Экспедиции Колумба словно послужили неопровержимым доказательством того, что людям удалось пойти дальше своих предков, значит и в науке, как в географии, можно будет выйти за пределы «Геркулесовых столпов». «Ибо мы строим в человеческом разуме образец мира таким, каков он оказывается, а не таким, как подскажет каждому его рассудок. Но это невозможно осуществить иначе как расчленением мира и прилежнейшим его анатомированием. А те нелепые и как бы обезьяньи изображения мира, которые созданы в философиях вымыслом людей, мы предлагаем совсем рассеять. Итак, пусть знают люди (как мы говорили выше), каково различие между идолами человеческого разума и идеями божественного разума. Те не что иное, как произвольные абстракции, эти же, действительно, знаки создателя на созданиях, запечатленные и определенные в материи посредством истинных и тончайших черт. Итак, истина и полезность суть (в этом случае) совершенно одни и те же вещи. Сама же практика должна цениться больше как залог истины, а не из-за жизненных благ [4, с. 77].

Рисунок на гравюре имеет, как известно, символическое значение: корабли, проходящие через Геркулесовы столбы, которые в античной мифологии считались пределом известного мира и символом непреодолимой границы, выражают стремление мыслителя к выходу за пределы традиционного знания и освоению новых горизонтов науки. Геркулесовы столбы здесь – это метафора ограничений, наложенных средневековой схоластикой и догматическим мышлением. Изображение Геркулесовых столбов отражает стремление Бэкона к расширению границ человеческого познания и символизирует переход от старого, ограниченного мировоззрения к новому, основанному на научном исследовании и открытиях. Корабли, преодолевающие эти столбы, олицетворяют научный прогресс, смелость человеческого разума и стремление к новым открытиям. Бэкон призывает к отказу от старых, догма-

тических методов познания, которые он ассоциирует с аристотелевской логикой, к выходу за рамки традиционной философии, преподаваемой в университетах, и предлагает новый метод научного исследования, основанный на эмпиризме и индукции с целью достичь нового понимания природы и мира.

К сожалению, автору статьи не удалось обнаружить каких-либо интерпретаций самого философа или художника к иллюстрации. Хотелось бы поделиться собственными наблюдениями о рисунке: корабли, паруса которых наполнены ветром, могут символизировать как надежду на обретение новых знаний, добытые из новых земель, из легендарной Атлантиды⁴, и благополучное возвращение с ними назад, так и сомнение в успехе этого предприятия. С одной стороны, Бэкон верил в прогресс науки и технологий, в способность человека покорить природу через познание её законов. С другой стороны, возможно, как человек религиозный, предчувствовал, что дерзкое предприятие человека силой добиться у природы знаний, может встретить сопротивление со стороны сакральных сил Вселенной, и ветер направит эти корабли назад. *«И наша труба зовет людей не ко взаимным распрям или сражениям и битвам, а, наоборот, к тому, чтобы они, заключив мир между собой, объединенными силами встали на борьбу с природой, захватили штурмом ее неприступные укрепления и раздвинули (насколько великий господь в своей доброте позволит это) границы человеческого могущества»* [3, с. 251]. Это сопротивление может быть интерпретировано как напоминание о том, что не всё в мире подвластно человеческому разуму, и что существуют области, которые остаются загадкой или даже табу для науки. В античной и средневековой философии природа часто рассматривалась как живой организм, обладающий своей волей и духом. Человек, пытающийся «вырвать» у природы её секреты, нарушает этот баланс. Ветер, направляющий корабли назад, может быть символом этой ответной силы, которая возвращает человека к осознанию его места в космическом порядке. Возвращение кораблей может быть истолковано как поражение, как признание того, что человек не может преодолеть определённые границы. Это противоречие отражает дух эпохи Бэкона – глубоко религиозного человека, когда вера в

прогресс науки сочеталась с глубоким уважением к тайнам природы и сакрального. Однако, вряд ли, мог бы представить себе картину философ, рассуждавший: *«Пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которое назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество; пользование же будет направляться верным рассудком и здоровой религией»* [4, с. 82], похожую на изображение Хиросимы и Нагасаки после боевого применения «разумным» человеком ядерного оружия, или газовых камер лагерей смерти вслед за использованием для массового уничтожения людей Zyklon B.

Геркулесовы столбы в этом контексте могут быть не только символом предела (столбы изображены на многих античных, средневековых картах мира), но и напоминанием о том, что за пределами человеческого мира существует нечто большее, что требует благоговения и уважения. Возвращение кораблей может быть истолковано как призыв к тому, чтобы человек не только расширял свои границы, но и возвращался к своим истокам, к связи с сакральным.

Научный прогресс, лишённый сакрального измерения, рискует стать инструментом разрушения, а не созидания. Возможно, ключ к решению этой проблемы заключается в восстановлении баланса между «горизонтальным» и «вертикальным» – между стремлением к познанию и уважением к тайне, между освоением природы и благоговением перед её святостью.

Современная эпоха антропоцена наглядно показывает, что насилие над природой и модели её эксплуатации продолжают воспроизводиться. Один из основоположников философии Нового времени Декарт, естественно, не на это рассчитывал, размышляя: *«Однако, как только я приобрел некоторые общие понятия относительно физики и заметил, испытывая их в различных трудных частных случаях, как далеко они могут вести и насколько они отличаются от принципов, которыми пользовались до сих пор, я решил, что не могу их скрывать, не греша сильно против закона, который обязывает нас по мере сил наших содействовать общему благу всех людей. Эти основные понятия показали мне, что можно достичь знаний, весьма полезных в жизни, и что вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать прак-*

⁴ «Прежде всего вкратце припомним, что, согласно преданию, девять тысяч лет тому назад была война между теми народами, которые обитали по ту сторону Геракловых столпов, и всеми теми, кто жил по сю сторону: об этой войне нам и предстоит поведать. Сообщается, что во главе последних вело войну, доведя ее до самого конца, наше государство, а во главе первых — цари острова Атлантиды;

как мы уже упоминали, это некогда был остров, превышавший величиной Ливию и Азию, ныне же он провалился вследствие землетрясений и превратился в непроходимый ил, заграждающий путь мореходам, которые попытались бы плыть от нас в открытое море, и делающий плавание немислимым» [17, с. 503].

тическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы» [6, с. 286].

Мне видится, что та уверенность, с которой человек, начиная с эпохи Просвещения, стремится познать Вселенную посредством науки (метафорически отражённая на этой картине), – это продолжение той же агрессивной экспансии, что веками двигала колонизаторами: захват чужих земель, подавление местных культур, религий и традиций. Это «горизонтальное» расширение – упование на силу, заставляющее забыть о «вертикали», о связи с сакральным, божественным. Не случайно Геркулесовы столбы, знак предела земных завоеваний, в символической традиции стоят у входа в Храм Соломона – словно напоминая: за порогом человеческого могущества начинается пространство священного, без которого жизнь теряет глубину.

Илл. 1. Иллюстрация на фронтисписе.

⁵ Картина Сальвадора Дали «Христос Святого Иоанна Креста» (1950-1952 гг.) – одна из самых известных работ художника, в которой он интерпретирует классический религиозный сюжет в своей уникальной манере, вызывающей восхищение как своей технической виртуозностью, так и глубиной символического содержания. Картина, название которой отсылает к мистическому опыту Святого Иоанна Креста, который видел в этом образе символ единения человека с Богом, изображает Иисуса Христа, Распятого на кресте, но в необычной перспективе: зритель видит Христа сверху, как будто с высоты небес. Дали через эту картину смог передать взгляд Небесного Отца на Своего Сына и на

Человеческое восприятие мира буквально приковано к земной перспективе (perspicere – «видеть насквозь»). Символы и сакральные действия – мосты к вертикальному измерению. Икона как «окно в Небо» через обратную перспективу напоминает: существуют иные оптики мировоззрения. Фиксируясь на одной перспективе, мы совершаем насилие над собственным восприятием. Всевидящее Око созерцает мир иначе.⁵

Вера гуманизма во всемогущество человеческого разума как универсального средства решения любых проблем оказалась утопией. То, что некогда казалось триумфом разума, обернулось неспособностью предотвратить глобальные проблемы. Реальность показала обратное: войны, нищета и экологические катастрофы лишь множатся. Данный диссонанс между гуманистическими идеалами и действительностью находит объяснение в ницшеанской критике абсолютных ценностей, предвосхитившей этот мировоззренческий кризис.

Ирония истории в том, что свет Разума, провозглашенный Просвещением, в исторической перспективе оказался не солнечным светом истины, а лишь искусственным освещением платоновской пещеры, отбрасывающим новые тени на ее стены.

Под маской прогресса Просвещение совершило интеллектуальное насилие – вытеснило сакральное и трансцендентное, обеднив тем самым наше понимание реальности. Просвещение, обещавшее свет знания, на деле оказалось ножницами, вырезавшими из человеческого мировосприятия всё, что выходило за границы рационального. Модернистский проект Просвещения осуществил не декларируемое расширение, а редукцию человеческой картины мира, методически устраняя из неё всё иррациональное, метафизическое, привёл не к выходу «человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»⁶ [11, с. 29], а к новой форме ограничения – эпистемологической цензуре, исключившей трансцендентное из допустимых способов познания.

человечество. Спаситель, словно открывая зрителю истину Искупления, показывает, как можно увидеть человечество с высоты Небес через образ распятого Христа.

⁶ ПРОСВЕЩЕНИЕ – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения.

Как бы последователи идеологии Просвещения ни изощрялись, конструируя окна Овертона для манипуляции общественным (и, по иронии, своим собственным) сознанием, пропуская через них якобы «контролируемый свет», – с Небесного окна весь этот спектакль отлично просматривается.

Мы не решаемся взглянуть на мир и себя целиком, понимая, что обнаружим там не только гармонию, но и уродство: «Встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным» [18, с. 111]. Удобнее вычленять лишь приятные фрагменты, отворачиваясь от всего тревожащего, выхватывать лишь приятное, красивое, игнорируя всё негативное. Но именно эта внутренняя ложь, этот отказ от правды, самообман и породили нынешнее плачевное состояние мира – которое, по справедливости, мы сами и заслужили.

Полагаю, что масштабы миметического кризиса стали стремительно расти с эпохи Просвещения, когда ритуальные и символические жертвоприношения – воспринимавшиеся как архаичный пережиток – стали постепенно исчезать из практики «цивилизованного» общества. Вместе с тем, поскольку практика жертвоприношений не прекратилась, а лишь приняла скрытую форму и лишилась ритуальной защитной оболочки, это, по моему мнению, и привело к высшей степени развития процесса символического заражения⁷ в современном мире – фактически пандемии – по причине этой неконтролируемой трансформации.

Приверженцам эмпиризма и материализма Бэкона, надеявшегося «рассеканием мира и прилежнейшим его анатомированием» добиться его научного познания, сегодня, спустя четыре века с начала Научной революции Нового времени, приходится констатировать, что темная энергия и темная материя – явления, не поддающиеся объяснению на основании видимой материи, занимают 95% Вселенной [15]. «В каждом культурном круге были свои *sacrit* и *profanum*, свои собственные способы подведения любых событий под соответствующие категории. Разные культурные круги могли существовать один рядом с другим, но либо вообще не получали друг от друга никакой информации, либо наглухо были изолированы. Либо, наконец, иногда их столкновения давали начало «гибридам», полным новых жизненных сил. Однако барьеры между культурными кругами пали в нашем столетии, разрушенные техническим прогрессом, а средиземноморская культура, родившая этот прогресс, родила также великие надежды на

всеобщее светлое будущее. Теперь эти надежды все чаще становятся иллюзорными» [13, с. 357].

Технологически всемогущие, но экзистенциально растерянные, мы сегодня стоим у того же «камня», что и Ницше – словно подтверждая его догадку о «вечном возвращении». Подписываясь в конце жизни именами «Дионис» и «Распятый» – одновременно бог жизненной силы и жертва – философ словно подтверждал: за видимостью прогресса скрывается вечное возвращение, в фундаментальном смысле ничего не меняется.

В условиях стремительного роста непредсказуемых событий («черных лебедей»), увеличения частоты эмерджентных событий, риска наступления технологической сингулярности и невозможности достоверно прогнозировать даже ближайшее будущее, считаю целесообразным внедрить в образовательный процесс дисциплину (не курс), посвященную осмыслению жизни в условиях перманентной неопределенности, изучению ее нового образа, способствующую адаптации к ней. «Черные лебеди» и эмерджентные события – проявления фундаментальных законов сложных систем и хаоса, которые лежат в основе мироздания. С философской точки зрения, они напоминают о хрупкости человеческой истории, пределах контроля и возможной цикличности бытия. Эти идеи призывают нас к смирению, мудрости и поиску новых путей развития, которые учитывают непредсказуемость мира и его глубокую связь с первоначальным состоянием творения. И, что считаю важным, современному образованию нужно стараться обратить внимание подрастающего поколения на «ось аппликата» в системе координат бытия-в-мире – вертикальное измерение, которое придает бытию в мире глубину и высоту.

Практически каждый мыслитель так или иначе обращался к теме жертвоприношения. В данной статье автор не предлагает новых идей, связанных с проблематикой, ограничиваясь повторением известных интерпретаций без углубленного переосмысления. «Нам следует признать, что наше маленькое знание о механизме заместительного жертвоприношения не означает прекращения жертв, скорее наоборот. Мы не можем себе позволить дешевого оптимизма. Чем более радикален кризис системы жертвоприношения, тем более люди стремятся к увеличению числа жертв для достижения того же эффекта» [9, с. 39]. Единственное, на что автор хотел бы обратить внимание читателя – это важность честного признания себя, а не другого,

⁷ В случае символического заражения, как мы наблюдали и в жертвоприношении, происходит слияние образов, в результате чего возникает относительная тождественность вещей и существ, находящихся в контакте. Это, если можно так

выразиться, образ того, что должно быть перенесено в ходе обряда с одного объекта на другой, образ, проходящий по линии симпатической связи [14, с. 157].

причастным к тому, в какой точке своего развития оказалось человечество. Терапия «теа сипра», возможно, даст нам шанс оздоровиться и возобновить вертикальную связь с той силой, которая доверила нам Землю, надеяться, что искренне обращаясь к Творцу своим внутренним взором и «четырьмя слогами», быть прощенными Им.

*Сверни с проезжей части в полуслепую проулок и, войдя в костёл, пустой об эту пору, сядь на скамью и, погода, в ушную раковину Бога, закрытую для шума дня, шепни всего четыре слога:
— Прости меня.*

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

Апостол Павел
Новый Завет. Первое послание к
Коринфянам (13:12)

Перечень используемой литературы

1. **Джорджо Агамбен.** Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
2. **Булгаков С.,** прот. Евхаристия / Предисл. Н.А. Струве. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2005. – 208 с.
3. **Бэкон.** Сочинения. В 2-х томах. Т. I. Сост., общая ред. и вступит. статья Л. Л. Субботина. – М., «Мысль», 1971. – 590 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие.).
4. **Бэкон Ф.** Сочинения в двух томах. Т. 2. Сост., общая ред. и вст. статья А. Л. Субботина. – М., «Мысль», 1972. – 582 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие.).
5. **Вебер М.** Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. (Социологич. мысль Запада).
6. **Декарт Р.** Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1/Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654, [2] с., 1 л. портр. (Филос. наследие; Т. 106).
7. **Делёз, Жиль.** Мая 68-го не было. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 96 с. (Серия minima; 22).
8. **Деревянко, А. П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. V: Средний палеолит и переход к верхнему в Африке и Юго-Западной Азии. Происхождение человека современного типа. – 1056 с.
9. **Жиран Рене.** Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. (Серия «Философия и богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2016. – XIV + 518 с.
10. **Жиран Рене.** Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. (Серия «Философия и богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2019. – 532 с.
11. **Кант И.** Сочинения в 8-ми т. Том 8. – М.: Чоро 1994. – 718 с.
12. **Кун Т.** Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605, [31] с. (Philosophy).
13. **Лем С.** Философия случая / Станислав Лем; пер. с пол. Б.А. Старостина. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. – 767, [1] с.
14. **Марсель Моос.** Социальные функции священного / Избранные произведения. Перевод с французского под общей редакцией Утехина И.В. Научная редакция Утехин И.В. и Геренко Н.М. Составление Трофимов В.Ю. – СПб.: «Евразия», 2000. – 448 с.
15. Электронное периодическое издание «Научная Россия». <https://www.scientificrussia.ru/articles/novaya-teoriya-95-vselennoj-vozmozhno-sostoyat-iz-veshchestva-s-otritsatelnoj-massoj>
16. **Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А.** Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 62-90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
17. **Платон.** Собрание сочинений в 4 т. Т. 3/Пер. с древне греч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654, [2] с. (Филос. наследие).
18. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. / Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. — М.: «Ренессанс», 1991.
19. **Bhanu Bhatnagar, WHO/Europe Press Office, Roy Wadia.** One in six school-aged children experiences cyberbullying, finds new WHO/Europe study. World Health Organisation/ Europe. <https://www.who.int/europe/news-room/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying--finds-new-who-europe-study>
20. **Justin W. Patchin.** Cyberbullying Continues to Rise among Youth in the United States. Cyberbullying Research Center) <https://cyberbullying.org/cyberbullying-continues-to-rise-among-youth-in-the-united-states-2023>
21. **Weiss Paul.** Sacrifice and Self-Sacrifice. Their Warrant and Limits. Pages 76-98. P. 78. The Review of Metaphysics. Volume 2, Issue 3, March 1949.
22. **Gina A. Zurlo and Todd M. Johnson, Peter F. Crossing.** World Christianity 2025: Regional Perspectives. Volume 49, Issue 1. World Christian Database (Leiden: Brill, accessed August 2024). <https://doi.org/10.1177/23969393241283291>

Сдана/Հանձնվել է՝ 25.04.2025

Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 02.05.2025

Принята/Ընդունվել է՝ 09.05.2025